

Глава X

НАЧАЛО КОНЦА

Луций сидел за столом, опершись щекой на кулак, и водил пальцем по разложенной перед ним карте. Одна из ее сторон была придавлена мечом, вторая бутылкой вина. Тускло горящая лампочка периодически темнела и вновь разгоралась, старый генератор работал с перебоями, да и топливо оставляло желать лучшего. Два офицера – Сергей и наместник блокпоста 44 Иван – стояли перед ним, держа свои красные шлемы в руках. Наконец палец генерала остановился.

– Значит, видели их последний раз здесь? – обратился он к Ивану.

– Так точно. Один взвод. Разношерстных, – тут же отрапортовал офицер.

– Что говорит разведка? – Луций перевел взгляд на Сергея.

– Они встали лагерем за рекой, перебили нашу охрану и теперь контролируют мост. С ними священник, но не православный. Католик, наверное. Самурай сказал, что хоть и грязный на нем костюм, а белый воротничок так и блестит, да и с книгой какой-то в руках постоянно ходит.

– Священник? Верующие значит? – Луций несколько раз сжал ладонь в кулак. – Сколько у вас людей? – обратился он снова к наместнику блокпоста.

– Тридцать семь, – но тут же исправился. – Тридцать шесть. Прошу прощения, генерал.

– Плюс мои тридцать три головореза да еще эти отбросы из шайки Кабана, которые к нам присоединились. Ну ладно, пушечное мясо считать не станем. А сколько вообще у тебя людей, которые могут сражаться?

– Тридцать шесть солдат, в которых я уверен. Максимум пятьдесят можно под ружье поставить. Остальные – обслуживающий персонал. Мы забрали часть фермеров к себе.

– Зачем?

– Иначе их перебьют.

– Тебе их жалко, Иван?

– Я беспокоюсь за блокпост, генерал. Не хочу оставить его без провизии. Тем более потери должны быть разумными.

– Скоро беспокоиться будет не о чем. Нет больше никакой веры и богов нет! Ничего нет! Только мы! А те, кто думает иначе – умрут! – Луций

взял бутылку и сделал глоток. Карта свернулась трубочкой. – Осталось чуть-чуть, еще немного потерпеть. Побеждает тот, кто умеет ждать. Вы знаете правила, знаете наш закон! Все, кто верит не в то, что мы, кто живет не по нашим правилам, будет стерт с лица Земли. Кто не приносит нам пользы, тот бесполезен! В нашем новом мире не будет ни христиан, ни мусульман, ни иудеев, ни буддистов, никого! Человек сам по себе бог этой планеты! Вера – это проклятие, и мы знаем, к чему она привела! Все кинулись к служителям, когда все начало рушиться и что они сделали?! Ничего! Что они говорили?! Молитесь и вас услышат! Не услышали! Что-то я не вижу спустившегося с неба бородача с распростертыми объятьями, который словом своим делает жизнь прекрасней! Религия, как чума, расплзается и затмевает разум! Заражает все вокруг себя! А от зараженных нужно избавляться, так как эта зараза не лечится! Она только уничтожается! – Луций перевел взгляд на Сергея.

– Да, генерал! – Сергей сделал шаг вперед.

– Собери наших, выдвигаемся в пять утра.

– Так точно, – он развернулся и быстро покинул помещение.

– Повоюем немного, – Луций снова выпил и раскатал карту обратно, прижимая ее бутылкой. – Иван, ты соберешь всех тех, в ком уверен. Прикроете нас. Если вдруг они обойдут нас и двинутся на блокпост, встретите их и будете держаться до нашего прихода. Но, думаю, до этого не дойдет.

– Я понял вас, генерал!

– И еще. После того, как мы уйдем, гражданских сократи. Это касается больных и немощных.

– Да, – неуверенно и невнятно пробормотал наместник блокпоста.

– Что?

– Так точно!

– Наберешь новых со временем. Припасов все меньше, земля умирает, почва уже не дает хорошего урожая, а скотина перестает давать потомство. Нужно продержаться до весны. И ты сам это знаешь. Держать пустые рты не выгодно. Тем более я не хочу, чтобы они начали жрать друг друга. Будет еда – будет и порядок. Скоро потянутся толпы людей с севера, будет жарко. Нам нужно будет фильтровать проходящих через нас, а для этого нужны воины, сытые войны.

– Почему просто не изгнать их?

– Что? – выпрямляясь, переспросил Луций.

– Кх, – кашлянул в кулак наместник блокпоста. – Почему просто не изгнать их или не убрать на фермы, чтобы сами добывали пропитание себе?

– А-а-а-а, вот ты о чем. Хочешь, чтобы их смерть была мучительной? Или чтобы они, обозлившись, привели сюда какую-нибудь хорошо вооруженную банду? Если падет один блокпост, то под удар подставятся три других. Цепочку разрывать нельзя. Нет, Иван. Обиженного человека в живых оставлять нельзя. Так что просто избавься от ненужных. Окажи им честь умереть быстро и безболезненно.

– Как прикажите! Ваша воля, генерал.

– Конечно моя. В новом мире для слабых нет места. И помни: священников, проповедников любой веры с их законами и рассказами уничтожать в первую очередь. Подпустишь такого к себе хоть на секунду, прислушаешься к нему, и он овладеет тобой словно похотливый кабель. Влезет вот сюда, – он ткнул пальцем себе в висок. – Их речи сладки, они очень убедительны и так невинны, но стоит только тебе им поверить, как они тут же укажут на твои грехи и заставят тебя плясать под свою дудку. Поверь, такое уже было и ни раз. Мнимые Божьи наставники. Такого я больше не допущу. И такие, как ты, мне в этом помогут. В новом мире никакой религии не будет. Только законы. Наши законы. Люди сами по себе религия, – он подошел к Ивану и похлопал его по плечу. – Ты все понял, я надеюсь? – тот кивнул головой. – Старуху-банщицу не трогай, она должна жить, – Луций вернулся за стол. – Зима будет долгой. А пока вы должны держаться своими силами. Завтра я выдвинусь в Новый Рим, но сначала раздавим ту группу, которая осмелилась напасть на нас. Теперь ступай, я хочу побыть один.

Луций долго смотрел на карту, потягивая вино, водил пальцем, что-то прикидывал, думал. Сколько прошло лет с того момента как он пришел в себя? С того момента, как возненавидел этот мир и всех людей? А может быть эту ненависть ему просто навязали? Навязал этот угасающий, разваливающийся почти на глазах, похожий на живой труп владыка Нового Рима Александр. Он прекрасно помнил тот день, когда сознание вернулось к нему.

Полуподвальное помещение, набитое до предела людьми, спертый воздух, полумрак, красный свет аварийного фонаря. Как он оказался в убежище и кто он такой, не помнил. В рваном тряпье похожий на бродягу он сидел в углу и рассматривал живую шевелящуюся массу: мужчины, дети, женщины, старики. Воздух смердел настолько, что тянуло блевать. Тогда он еще не знал, что мир уже летел к черту, уходил в штопор бесконечного неоправданного насилия, которое называли выживанием. Он словно младенец впитывал происходящее. Его мозг – чистый лист бумаги – девственен, не затронут ничем и никем. Кто он и что тут делает? Кто все эти люди? Есть ли у него семья или родственники? Пусто. Шли минуты, часы, дни до тех пор, пока не раздался страшный хлопок: взрывом вышибло дверь. Потом шум, крики, мольбы о помощи и о пощаде.

Тогда он никому не делал зла, не делал ничего дурного, просто сидел, был общей массой людского планктона. А после взрыва, после криков пришли они. Они спускались вниз живым потоком, ровным строем, вырезая и расстреливая всех на своем пути, славя Аллаха, а откуда-то из недр этого подземелья на них кинулись православные. Луций сидел в углу и наблюдал за тем, как они уничтожают друг друга, рвут на части. И все из-за чего? Причины для него были загадкой. Перед ним, вцепившись друг в друга, упали два человека. Здоровый крепкий парень с покрасневшим лицом и выпирающими венами на шее сдавливал горло бородатому горцу.

Православный серебряный крестик болтался в разные стороны, отражая от себя свет красной лампы. Капля пота скатилась по лбу, застыла на носу и сорвалась на бородатого. Он захрипел, оскалив зубы, уперся одной рукой в подбородок краснолицего, другой ударил. Между указательным и большим пальцем наколот полумесяц, что-то написано арабской вязью.

В этот момент пришло озарение, осознание коренной неправильности происходящего. словно в его мозг загрузили многовековую информацию о человечестве, одним разом, мгновенно, так что заложило в ушах, а голова затрещала от боли. Тысячи лет люди рвали друг друга из-за веры, из-за Бога, которого никогда не видели, не чувствовали и не понимали его сути. Безумство ради мифического и непонятого Рая. Что это? Зачем это? Ради чего это? Почему не устроить Рай прямо здесь на Земле вместо того, чтобы ждать смерти? А если все исправить? Если не станет никакой веры и никаких религий в мире? Что будет тогда?

Он медленно поднялся и направился к выходу, спотыкаясь и переступая через трупы, толкаясь с дерущимися и убегаящими. Кругом хаос, крик, выстрелы и воздух, наполняющийся запахом пороха и крови. Луций остановился и прислушался к этому аду.

– Делай раз! Коли! Делай два! Закрылся! Не руби, коли!

Картинка, словно пазл, разломилась на мелкие фрагменты и осыпалась. Голос звучал повсюду. Яркий свет ударил в глаза, Луций рефлексивно закрылся от него рукой. Картинка стала собираться заново. Большая поляна, зеленый луг, мальчишка лет тринадцати сжимал деревянный меч, его босые ноги были напряжены, тело готово к прыжку. Рядом с ним воин в черной тунике, длинные волосы до плеч, крепкое тело, в руке палка.

– Ты слишком напряжен, Луций. Так сражаться нельзя. Расслабься. Вот. Хорошо. Нападай еще раз.

Парень кинулся вперед, атаковал. Его наставник с легкостью парировал удары.

– Молодец. Хорошо. Вот так.

– Ну хватит, Сципион! Он еле стоит на ногах, пускай отдохнет. Он же все-таки человек, – мужчина в длинной тоге с пурпурной вертикальной полосой появился будто из воздуха.

– Да, господин Марк, как скажете, – тренер мальчика смиренно поклонился ему и отошел в сторону.

И снова все стемнело. Вокруг снова орали, резали и убивали. Сзади его дернули за руку. Он обернулся, словно манекен, без чувств, без эмоций, без страха. Перед ним прекрасная девушка с искаженным от страха лицом жимала рукой рану на голове, пытаясь переорать шум толпы:

– Пожалуйста! Прошу! Помогите! Спасите меня! Умоляю! Пожалей!

Он стоял и смотрел на нее будто на ангела, который случайно оказался в аду. Небесные глаза полные отчаянья, чистые слезы, белоснежные коротко подстриженные волосы. Алая кровь небольшим ручейком сквозь тонкие пальчики, закрывающие рану, текла по лицу.

– Ты же не такой плохой человек как они! Прощу! Я не хочу умирать! Помоги! – девушка на коленях молила о спасении.

Внутри что-то сломалось и перевернулось, с хрустом, впиваясь в органы, наружу рвался невыносимо сильный зверь. До выхода из бункера метров двадцать через непрекращающийся кошмар. Он схватил ее за руку да так, что девушка вскрикнула, сжал, как самое дорогое, рывком поднял с колен и помчал вперед к спасительному выходу, обгоняя саму смерть. Поднял по пути кусок металлической трубы и, таща за собой своего ангела, крушил всех на своем пути без разбора.

Остановился Луций только, когда поднялись наверх, стер с лица пот, перемешанный с кровью, отбросил в сторону липко-красную трубу, обтер о себя руки и удивился. Удивился осознанию того, что все было привычно: и кровь, и страдания, и смерть. Все будто родное, точно он каждый день убивал людей. Человек всегда мог убивать себе подобных гораздо лучше, чем любое животное на этой планете. У каждого вида на Земле есть биологический враг для контроля над популяцией. И только у человека самый опасный враг сам человек. В глазах девушки уже не было страха, только странная радость, возможно от спасения, а возможно ему лишь показалось. Кругом развалины, черный дым пожаров затмевал небо. Из подземного убежища продолжали доноситься крики и одиночные выстрелы. Он потащил девушку подальше отсюда. Шли долго, пока не оказались у большого карьера на окраине города, спустились вниз, поднимая облако пыли. Сухая земля скрипела на зубах, заставляла глаза слезиться. Дальше скатились по песку и затаились за большим валуном. Раньше здесь было полно воды, теперь небольшое озерцо, больше похожее на мутную лужу, вокруг сухие камыши выше человеческого роста, по берегам мертвая рыба источала омерзительный запах. Переместились в заросли и затихли, переводя дух. Не говоря ни слова, Луций, чавкая ногами по жижи, подошел к более-менее чистой воде, попытался попить, но она оказалась тухлой, сплюнул, стал отмывать от крови руки и лицо. Когда вернулся назад, девушка сидела на том же месте, где он ее оставил. Сел рядом, стеклянным взглядом уставился в небо.

– Спасибо, – единственное слово которое он услышал от нее в тот день.

Тогда он даже не посмотрел в ее сторону. Так и сидели молча, пока не стемнело.

Он еще не знал, что все рухнуло, что государственного строя больше нет, что каждый город превратился в крохотную страну, а люди объединялись в группы, чтобы выживать. Группы заключали союзы, а когда не хватало провизии, вцеплялись в глотку друг другу. И чем больше проходило времени, тем страшнее становилось жить на этой гнивающей планете. В мире остался один принцип – выживает сильнейший. Опустившись до инстинкта самосохранения, человек все больше походил на животное. Ведомый лишь потребностью выживания, мозг мечтал только об одном: отнять, пожрать и прожить как можно дольше.

Тогда в камышах Луций со спасенной девушкой просидел почти двое суток. Пока их не нашел отряд солдат из общины Огненных братьев. Они уходили своей общиной на юг, собирая по пути выживших. Луций прекрасно помнил, как проезжал разграбленные города, опустошенные села и деревни, как с боем прорывались они через обезумевшие группировки голодных людей. Он видел своими глазами молящихся людей, просящих безответно помощи каждый у своего бога, видел также тех, кто с криками кидался на них в угоду своим богам. Он понимал все четче, что нет ничего кроме них – людей, что с религиями нужно покончить раз и навсегда. Если не будет верований, не будет и раздоров. Трясаясь в кузове грузовика, он ясно осознал одно: старый мир умирает и ему нужно помочь поскорее исчезнуть, а на руинах построить новый. В своем новом мире он не оставлял места религиям, так же как они не оставляли места для людей.

– Генерал!

Луций поднял голову, рука резко схватилась за рукоять меча. От неожиданности парень азиатской внешности вздрогнул, но тут же вытянулся во весь рост, хотя его рост и не был особо велик.

– Генерал, вызывали?!

Перед взором Луция предстал Самурай – его лучший разведчик. То ли бурят, то ли монгол, он и сам не знал своей национальности, но по негласному соглашению все почему-то считали его японцем. Невысокий, гибкий, словно змея, и бесстрашный. За эти качества он и приглянулся Луцию. Затертый, выцветший от времени плащ ручной работы, сшитый из пластов кожи, доходил до колен, вместо воротника капюшон, вокруг шеи намотан серый шарф, за спиной прорезано отверстие, из которого торчала рукоять катаны¹. На локтях и коленях защита, под плащом виднелась мотоциклетная куртка с пластиковой защитой. Широкий ремень с массивной бляхой, на нем пристегнут нож и пистолет с глушителем, пара запасных обойм. Этому человеку много оружия никогда не требовалось.

В разведку он всегда ходил один и всегда возвращался. Ни разу он не подвел Луция и был предан ему словно пес, как и все остальные. Генерал был для них живым богом. Каждого из тридцати трех бойцов своего отряда Луций отобрал лично, каждый был ему чем-то обязан и был готов отдать за него жизнь, не раздумывая.

Самурай, он же Шона или как его чаще звали Шон, спасся лишь благодаря Луцию. В тот день, отряд генерала вышел на рейд и наткнулся на деревушку, где Шон был рабом уже больше года и думал, что его участь уже решена, но Фортуна имела на него свои планы и, по-видимому, Луций тоже. Деревушку занимала группа фанатиков, проповедовавших язычество. Они считали себя верными детьми Велиса – бога, что являлся в медвежьем образе. У них даже был огромный гризли, которого они подобрали еще медвежонком из развалившегося зоопарка много лет назад. Его приучили к

¹ Длинный японский меч.

человеческому мясу, принося ему жертвы, чтобы их народ жил лучше. Дети Велиса опустошили округу, поработив всех, кого только можно было поймать. В очередной праздник, когда Самурая вели в загон к огромному зверю, охрана на воротах прокричала тревогу, а воздух наполнился звуками выстрелов. Грузовики генерала въехали в лагерь Велисовых детей, снося ограждения. Солдаты в черной форме и мотоциклетных шлемах согнали выживших в кучу, следом появился и сам генерал с окровавленным мечом в руке. К нему подвели маленького и тощего проповедника, возглавлявшего общину. Луций прирезал его без колебаний. По его же приказу всех членов секты отдали на растерзание медведю, а после он сам зашел к зверю и прикончил его, один на один. Пленных выстроили в ряд, и Луций задал им только один вопрос: «Веруете ли вы в Бога, в спасителя вашего?» И все закричал: «Да, веруем!» Только Шон промолчал. И только его оставили в живых и приняли в свои ряды.

– А, это ты, – Луций прижал локтем карту, другой рукой взял бутылку, в которой еще плескалось вино, сделал глоток и протянул ее Шону.

– Благодарю, – Самурай отпил немного и отдал обратно генералу.

– Мерзость, правда? Сейчас хорошего поила и не сыщешь, – Луций поставил бутылку на стол, откинулся на спинку и скрестил на груди руки.

– Я слышал, утром выступаем?

– Верно. Вот хочю лично у тебя узнать, что там?

– Человек двадцать пять - тридцать, пришлые. Вооружены хорошо. Священник с ними похож на лидера. Мост заняли, разбили лагерь. Я часов пять за ними наблюдал.

– Значит, ждут нас. Сами нападать не решаются.

– Похоже на то. Да и кто знает, сколько у них боеприпасов? Там овраг глубокий, на машинах только через мост пройти сможем. В обход слишком далеко, да и с другой стороны поле ровное, заметят сразу наше приближение. Действуют грамотно, организованы, не раздолбаи какие-то. У них лучшее стратегическое положение.

– Большая группа. Что-то их стало слишком много. Словно идут куда-то, ведомые одной целью.

– Так слухи ходят, что пришел мессия, что грядет день страшного суда, – робко и почти шепотом доложил Самурай.

Луций посмотрел исподлобья испепеляющим и страшным взглядом так, что у Шона проступил на спине холодный пот.

– Ну, это так, слухи просто, – словно оправдываясь, добавил он, не отрываясь от звериных глаз генерала.

– Выступаем утром, – прохрипел Луций, провел языком по зубам и допил остатки вина. – Девчонку с собой возьмем. За нее будешь отвечать головой. Понял?

– Так точно!

– Свободен.